

Глава 7. Вся семья вступает в игру и устраивает настоящий переполох

На селе ссоры между соседями были самым обычным делом. А уж такие мелочные и жадные до чужого добра люди, как Вэнь Шишань и Ли Цяочжэнь, и вовсе постоянно вступали в перепалки с окружающими.

Каждый раз, когда Ли Цяочжэнь, прихватив всё семейство, отправлялась ругаться с соседями, для Вэнь Си наступал самый страшный момент. Стоило их семье не взять верх в споре, как именно он становился той самой грушей для битья, на которой все вымещали злость.

Если же причиной конфликта оказывался сам Вэнь Си, всё становилось ещё хуже. Никто не только не собирался за него заступаться — его осыпали руганью, называли никчёмным, презренным отродьем. Мол, если люди цепляются именно к нему, а не к другим, значит, виноват он сам.

Поэтому, когда Чжао Шоутянь избил его, Вэнь Си даже не думал просить семью Янь вступить за него.

Он лишь хотел благополучно вернуть домой обоих детей. И уже был бы благодарен судьбе, если бы семья Янь не стала винить во всём его самого.

Но свекровь заявила, что лично поведёт его к семье Чжао требовать объяснений. Когда свёкор и два старших брата вернулись с работы, они тоже вспыхнули праведным гневом. Даже не успев опустить на землю мотыги, которые всё ещё лежали у них на плечах, они уже собирались идти добиваться для него справедливости.

Все обиды, накопившиеся в сердце Вэнь Си после побоев, прежде не находили выхода. Теперь же семья Янь бережно приняла их, словно драгоценность, в свои ладони. У него защипало глаза, но, раскрыв рот, он так и не смог вымолвить ни слова.

После полудня поднялся сильный ветер. Янь Фэнъянь, опасаясь простудиться, вернулся в комнату отдохнуть. Лежа с закрытыми глазами, он услышал доносившиеся со двора возмущённые голоса. Поднявшись, он увидел, что вся семья собралась во дворе и, возбуждённо переговариваясь, окружила его фулана.

Хэ Цзинь и Ли Вань, заметив его, почти одновременно подумали, что на этот раз шумного разбирательства, наверное, не выйдет.

В других семьях, какими бы ни были внутренние разногласия, перед чужими всегда держались единым фронтом. Но их младший деверь был человеком странным. Каждый раз, когда семья вступала с кем-нибудь в конфликт, ему было всё равно, кто прав, а кто виноват. Он неизменно начинал сердиться на своих и без конца твердил, чтобы они не искали неприятностей и не тянули его назад.

В конце концов, он был учёным, сдавшим экзамен на сюэя, а впереди его ждала чиновничья карьера. Ради будущего третьего сына, вся семья привыкла ставить его интересы превыше всего.

Обычно они могли стерпеть подобные нравоучения. Но сегодня избили его фулана. Неужели и теперь он скажет им молча проглотить обиду?

Сам Янь Фэнъянь даже не подозревал, о чём они думают. Всё его внимание было приковано к лицу Вэнь Си.

Ещё совсем недавно тот был дома цел и невредим. Как же получилось, что стоило ему выйти ненадолго, и его лицо оказалось в таком состоянии?

Нахмурившись, он тихо спросил:

— Что с твоим лицом?

Испугавшись, что муж решит, будто он только приносит семье неприятности, Вэнь Си поспешно прикрыл щеку ладонью.

— Н-ничего...

— Какое ещё «ничего»? Третий, твоего фулана избил этот ублюдок Чжао Шоутянь! Мы сейчас идём с ним разобраться. И только попробуй нас остановить!

Старший брат, Янь Ванчунь, прекрасно знал характер младшего, поэтому в его голосе невольно прозвучала тревога.

Янь Фэнъань спокойно ответил:

— Так и должно быть. Зачем мне вас останавливать?

Он поднял руку, собираясь коснуться распухшей щеки Вэнь Си, но, увидев, как тот испуганно съёжился, лишь осторожно похлопал этого жалкого малыша по плечу.

— Не бойся. Семья Янь не позволит, чтобы тебя обижали.

Реакция всех домашних ясно показала Вэнь Си, что это вовсе не пустые слова. Он молча кивнул.

— Угу... Я знаю.

Теперь вся семья была единодушна.

Янь Фуцю с хрустом сжал кулаки.

— Третий брат, оставайся дома и отдыхай. Мы с братом обязательно добьёмся справедливости для твоего фулана.

Хотя Янь Фэнъань уже значительно поправился, подобная сцена всё же была ему не по силам. Оставив с ним обоих детей, Чэнь Ланьфан вместе со всей семьёй направилась к дому Чжао.

Шествие получилось внушительным и сразу привлекло внимание всей деревни. Увидев такое зрелище, люди бросали работу, откладывали готовку и, держась на почтительном расстоянии, потянулись следом, перешёптываясь и указывая пальцами.

— Что случилось? Куда это семья Янь направилась?

— Кто их знает... Это ведь фулан их третьего сына? Почему у него лицо так распухло?

— Да разве не видно? Его явно избили. Наверное, старики Янь невзлюбили этого фулана и теперь ведут обратно в семью Вэнь.

— Да только это совсем не дорога к дому Вэнь...

Свёкор и свекровь шли вовсе не затем, чтобы прогнать его обратно. Они хотели добиться для него справедливости.

Вэнь Си не осмелился сказать вслух ни слова.

С самого детства ему приходилось выставять себя на посмеище перед людьми. Стоило оказаться в центре внимания, как его тут же охватывали смущение и паника. Лишь когда они почти дошли до цели, он наконец осмелился поднять голову.

При мысли о том, что его сын и младший фулан подверглись издевательствам, Янь Ванчунь буквально кипел от ярости. Добравшись до дома Чжао, он не стал церемониться и с размаху выбил ногой ворота во двор.

— Эй, Чжао! Если в вашем доме ещё не все передохли, быстро выметайтесь сюда!

Янь Фуцю, уперев руки в бока, не отставал от брата. Всё, что стояло во дворе, он с ходу начал разбрасывать пинками, а белые куры в курятнике, перепугавшись, с громким кудахтаньем бросились врассыпную.

Первой выйти навстречу собиралась старшая невестка семьи Чжао, но, увидев, с какой яростью наступают братья Янь, она невольно попятилась. Какой бы властной она ни была дома, перед двумя рослыми мужчинами ей всё же стало не по себе. Она легонько толкнула мужа, давая понять, чтобы тот вышел разобраться.

Но Чжао Чаншунь привык прятаться за чужими спинами и даже не шелохнулся.

— Отец с матерью ещё не вышли. При чём тут вообще я?

Чжао Дахэ едва не задохнулся от досады.

«Вот ведь как бывает: сравнишь сыновей Янь Шичана с моими — и хоть плачь».

Как ни крути, а прятаться дальше было невозможно. Снаружи уже собралась целая толпа любопытных. Чжао Дахэ с женой вышли во двор с натянутыми улыбками.

— Ох, каким ветром вас занесло? Брат Янь, невестка Янь, проходите в дом, присядьте...

— Не смей при мне набиваться в родню! — резко оборвала его Чэнь Ланьфан, никогда не жалевшая слов в ссорах. — Отнимать вещи у детей, избивать гера... такого мужика я за всю жизнь ещё не видела! Что, ваша семья настолько обнищала? Если жить не на что, то берите дырявую миску и идите просить милостыню! А нечего приходить и издеваться над людьми из нашей семьи!

Лицо Чжао Дахэ то краснело, то белело. Он злился и понимал, что виноват.

— Недоразумение... Всё это одно недоразумение. Наш Шоутянь ещё неразумный. Будьте великодушны, не держите на него зла.

Чэнь Ланьфан и не думала его щадить.

— Неразумный? Да ему уже за двадцать! Или, может, он поумнеет только тогда, когда обеими ногами в гроб залезет? Этот ваш Чжао Шоутянь — проклятая дрянь без рода и без племени! Сам не способен найти себе фулана, так полез издеваться над чужим. Да даже хорьки за горой не такие злобные, как он!

Ли Вань тут же громко подхватила:

— Всем семьям, у кого есть дочери и геры, стоит насторожиться! В нашей деревне объявился злобный холостяк! Сам жениться не может, вот и завидует чужому семейному счастью. Человек просто идёт по дороге, а он без всякой причины бросается его избивать! Посмотрите только, во что он превратил нашего Си-гера!

Хэ Цзинь, взяв Вэнь Си за руку, провёл его перед толпой.

— Я за всю свою жизнь ещё не встречал такого трусливого мужчины! Кто решится выдать за него дочь или гера, тому останется только ждать, когда он забьёт супруга до смерти!

Как бы ни был Вэнь Си застенчив, он понимал, что сейчас должен поддержать семью Янь.

Ему и притворяться не пришлось.

Стоило вспомнить, как Чжао Шоутянь ни за что над ним издевался, как слёзы сами покатались по щекам. Он стыдился показывать людям своё распухшее лицо, поэтому прикусил губу и дрожал, пытаясь отвернуться.

При виде худенького, беззащитного гера, которого избил взрослый мужчина, соседи только сочувственно цокали языками.

В деревне Даосян мужчин, поднимавших руку на девушек или геров, презирали сильнее всех.

Семья Чжао и без того жила небогато, поэтому желающих породниться с ними в деревне было немного. А теперь, когда семья Янь так дружно подняла шум, Чжао Шоутяню и вовсе можно было забыть о женитьбе.

Толпа загудела.

— Каков отец, таков и сын.

— Если сын такой, то и старик наверняка ничуть не лучше.

Эти разговоры словно втоптали достоинство Чжао Дахэ в грязь. Он ненавидел семью Янь за то, что те не собирались уступать, и одновременно злился на собственного сына, навлекшего беду. Не зная, на ком сорвать злость, он рывкнул в сторону дома:

— Ах ты, мелкий ублюдок! А ну выходи и извинись перед людьми! Или мне самому за тобой идти?!

Чжао Шоутянь и представить не мог, что всё примет такой оборот.

Вэнь Лю ведь уверял его, что Вэнь Си в семье Янь никому не нужен. Так почему теперь вся семья вышла его защищать?

«Знал бы, что так выйдет, ограничился бы парой насмешек. Зачем вообще полез с кулаками?..»

С большой неохотой он вышел из дома, лениво сложил руки перед Вэнь Си, словно делал великое одолжение, отвернул голову в сторону и буркнул:

— Прости.

Вэнь Си слишком привык к унижениям.

Никто и никогда не просил у него прощения. По-хорошему, одного этого уже должно было хватить, чтобы он остался доволен.

Но на его душе всё равно было тяжело.

Горящие болью следы от пальцев на щеке постоянно напоминали ему о пережитом унижении.

Если уж родные родители не считали его человеком — это одно. Но почему любой посторонний тоже может безнаказанно над ним издеваться?

Раньше за него некому было вступить, поэтому он не смел сопротивляться.

Но теперь семья Янь сама сказала, что будет его защищать.

И Вэнь Си больше не хотел уступать.

Не произнеся ни слова, он молча отвернулся, ясно давая понять своё отношение.

— Тьфу! — Янь Ванчунь с презрением сплюнул на землю. — Думаешь, одним словом всё закончится? Кем ты себя возомнил? Пока не заплатите компенсацию, даже не мечтайте, что дело на этом закончится!

По дороге сюда Ли Вань успела хорошенько его распалить. Сегодня он был намерен преподать семье Чжао такой урок, чтобы они запомнили его на всю жизнь.

Но стоило зайти разговору о деньгах, как мать Чжао Шоутяня, Лю Цзиньхуа, тут же взвилась:

— Да что это за драгоценный гер такой? Один раз ударили и уже деньги требуете! Это вы, семья Янь, только и умеете, что людей притеснять! Кто знает, может, ваш фулан сам соблазнял моего сына, вот тот и опротивел ему настолько, что не выдержал и ударил...

Эта злобная старуха, не моргнув глазом, прямо при всех опорочила честь Вэнь Си.

Чэнь Ланьфан от ярости шагнула вперёд и с хлестким звуком отвесила ей две звонкие пощёчины.

— Да чтоб тебя вместе со всеми твоими предками!

Получив две оплеухи, Лю Цзиньхуа тут же плюхнулась на землю и завывала во всё горло:

— Убивают! Людей бьют! Да где же справедливость?! Где закон?!

Вэнь Си вырос в этой деревне и прекрасно знал, насколько опасны подобные грязные слухи. Если их вовремя не пресечь, они способны довести человека до гибели. А сейчас всё это слышало столько народу... Кто знает, во что превратятся эти сплетни, когда они начнут переходить из уст в уста.

К тому же семья Янь так самоотверженно за него вступилась... он не мог, словно немой, просто прятаться у них за спинами.

Опираясь на руку Хэ Цзинь, Вэнь Си заставил себя устоять на дрожащих от гнева ногах. Отбросив смущение, он указал на Чжао Шоутяня.

— Если говорить о внешности, то Янь Фэнъянь и он — как белый журавль в небесах и жаба на земле. Если говорить о положении, то один — единственный сючай во всей деревне, а другой — праздношатающийся бездельник. Да насколько же я должен быть слеп, чтобы отказаться от хорошей жизни и побежать соблазнять эту шелудивую псину?!

Чэнь Ланьфан тут же подхватила:

— Да пусть сначала в лужу посмотрится! Рожа у него будто жаба в человека превратилась, а ещё смеет сравнивать себя с моим сыном! Тьфу! Да этот кусок собачьего дерьма и обувь моему сыну подавать недостойн!

— Это кто тут собачье дерьмо?! Сам твой сын собачье дерьмо!..

Под шум брани, Линь Сюэмэй чуть ли не силой вытащила наружу упирающегося Чжао Чаншуня.

— И избили нас, и обругали! Чего вам ещё надо? Не думайте, что раз ваш сын — сючай, то вы так можете безнаказанно людей притеснять. Человеку всё-таки следует копить добродетель, а не то однажды возмездие обязательно настигнет!

Чжао Чаншунь, втянув голову в плечи, поспешно поддакнул:

— Вот именно! Янь Фэнъянь и так еле на ногах держится. С виду настоящий недолгожитель. Не понимаю, чем вы тут так гордитесь.

— Да пошёл ты к чёрту! — взревел Янь Шичан. — Моему сыну суждены долгая жизнь и счастливая судьба! Как ты смеешь его проклинать?! Старший! Второй! Бейте!

Какой отец спокойно стерпит подобные слова о собственном сыне? До сих пор молчавший Янь Шичан с размаху залепил Чжао Чаншуню по лицу.

— Сейчас посмотрим, кто из нас недолгожитель!

Янь Ванчунь и Янь Фуцю уже давно едва сдерживали ярость. Едва отец отдал приказ, оба брата сразу бросились на Чжао Шоутяня.

Тем временем Чэнь Ланьфан вцепилась Линь Сюэмэй в волосы, а Хэ Цзинь и Ли Вань прижали к земле Лю Цзиньхуа.

Увидев, что вся его семья оказалась втянута в драку, Чжао Дахэ уже не мог оставаться в стороне и поспешил прийти на помощь сыну.

Так две семьи без всяких церемоний сцепились в беспорядочной свалке.

Несколько соседей хотели было вмешаться и разнять дерущихся, но Янь Шичан пресёк их попытки.

— Это дело только между нашей семьёй и семьёй Чжао. Кто полезет защищать одну сторону, станет врагом семьи Янь. А потом, когда вам понадобится помощь, не обижайтесь, если мы от вас отвернёмся.

Семья Янь славилась не только своим мастерством.

Все мужчины в роду были высокими, крепкими и невероятно сильными. На любую свадьбу или

похороны их всегда приглашали помогать в первую очередь.

Даже тем, у кого никаких торжеств не намечалось, было выгодно поддерживать с ними хорошие отношения. Во время страды жители деревни неизменно помогали друг другу по очереди, и такие работающие мужчины, как отец и сыновья Янь, были нарасхват — за ними буквально выстраивались в очередь.

Раз уж Янь Шичан сказал своё слово, никто не осмелился вмешаться.

Вэнь Си всю жизнь только и делал, что терпел побои. Никто никогда не учил его давать отпор. Он стоял в стороне, желая помочь, но совершенно не понимал, что ему делать.

Глядя, как огромные, словно кувалды, кулаки Янь Шичана обрушиваются на людей из семьи Чжао, он даже испугался, что свёкор ненароком кого-нибудь убьёт.

Тем временем Чэнь Ланьфан уже дралась с Лю Цзиньхуа. Они были примерно одного возраста и всю жизнь работали в поле, поэтому силы у них оказались почти равны. Но у Чэнь Ланьфан никак не удавалось взять верх.

Когда Вэнь Си увидел, как Лю Цзиньхуа отвесила свекрови звонкую пощёчину, он позабыл о собственном страхе. Несмотря на сводившие судорогой ноги, он бросился вперёд, обеими руками вцепился старухе в волосы и, хоть в голосе совсем не было грозности, крикнул:

— Не смейте бить мою свекровь!

<http://bllate.org/book/18440/1825193>